

1

Когда достаточно долго находишься в одном доме с женщиной, тебе в голову начинают лезть мысли. Без этого — никак. Вот ты стоишь в выкрашенной белой краской прихожей, вежливо придерживаешь дверь, чтобы она могла пройти со своими пакетами на кухню, и через солнечные очки провожаешь ее глазами. Она не достаивает тебя ответным взглядом, но в ее походке, в том, как движется ее спина и то, что пониже, что-то такое проскальзывает. Через десять минут ты стоишь возле серо-зеленых стальных ворот и видишь ее, мелькнувшую у окна спальни. Потом на какое-то время наступает затишье, но ты знаешь, что она там, лежит на огромной кровати, и начинаешь подсчитывать. Ее муж сидит уже пять месяцев — рекордный срок для содержания под стражей до суда. Два требования об экстрадиции: одно из Голландии, другое из Германии. Пять адвокатов уже успели за его счет накопить себе на старость. Судья Мирский встречается с ним раз в 28 дней и перед строем камер и микрофонов

сухим стуком старого молотка продлевает ему арест. Она — его вторая жена, вышла за него замуж шесть лет назад. Она из тех женщин, глаза от которых можно оторвать, только поместив их в тюрьму «Римоним» и заставив разглядывать идиотские надписи на стенах, сделанные предыдущими сидельцами.

Меня нередко посещает мысль, что именно для этого меня и наняли, причем за такую сумму, что мне самому вряд ли хватило бы наглости ее называть. Не для того, чтобы каждое утро проверять днище ее серебристого «Лендкрузера», а для того, чтобы она знала: с нее не спускают глаз. Не то чтобы она создавала проблемы. Ей отлично известны границы дозволенного. Если ей нужно куда-то съездить, она предупреждает заранее, едет медленно, чтобы мы не теряли ее из виду, и безропотно сидит в машине, пока мы осматриваем кафе. Потом один встает у нее за спиной, другой — возле входа, а я сижу за соседним столиком и делаю вид, что читаю газету, пока она пьет кофе с одной из трех постоянных подруг.

Разок-другой они обсуждали меня. Я умею распознавать такие вещи. Взгляды исподтишка, внезапно оборвавшиеся смешки... Мне удастся сидеть неподвижно, хотя жутко натирает кобура, оставляя на поясице следы от швов. Потом она подает мне знак, всегда кивком головы — тыкать пальцем ниже ее достоинства, — мы встаем и возвращаемся в Тель-Барух. Я позволяю ей вести машину. Это решение я принял в первый же день, несмотря на возражения остальных. Мадам должна чувствовать, что

СЛУЧАЙНАЯ ЖЕРТВА

распоряжается своей жизнью, иначе проблем не оберешься. Проживает она в четырехэтажной вилле, на участке площадью 360 квадратных метров, и я знаю здесь каждый сантиметр.

Она тормозит. Удостоверившись, что все в порядке, я подаю ей знак: заезжай. Она плавно заводит свой «Лендкрузер» на стоянку, после чего наступает мой любимый момент. Она выходит, улыбается мне отстраненной улыбкой и нагибается забрать с заднего сиденья пакеты с покупками — всегда есть пакеты с покупками, — а я все это время на нее пялюсь.

Ей 31 год. Все 169 сантиметров ее тела совершенны, как дизайн японского сада. Грудь, правда, чуть великовата, но вполне удовлетворяет запросам примерно трех миллиардов особей из тех, что населяют земной шар. Попа — идеальна, а я большой ценитель поп: круглая, упругая, не слишком маленькая. Чуть ниже — изумительные стройные ноги. Она заканчивает собирать пакеты и все с той же отстраненной улыбкой поворачивается ко мне. Волосы у нее длинные, до плеч, каштанового цвета, глаза темные, чуть раскосые. Я распахиваю ей дверь, ведущую из гаража в дом, она проплывает совсем близко от меня, и пахнет от нее жженым сахаром. «Спасибо, Джош», — тихо произносит она, всегда называя меня по имени, чтобы подчеркнуть, как уважительно она относится к рабочему классу.

Потом она поднимается в спальню, а я выхожу на улицу. Тут-то в голову и приходят разные ненужные

мысли, из-за которых от пояса к груди поднимается волна жара. История их романа скакала по страницам газет, как кенгуру, выпивший таблетку виагры. Первая жена, которую он знал с детства, встреча в ночном клубе, вспышки камер папарацци во время их вечерних свиданий, замешательство на ее лице, его сжатые челюсти. Потом быстрый развод и новые фотографии, теперь уже постановочные: они вдвоем в джакузи одного из эйлатских отелей, в идиотской атмосфере гламура, якобы окружающей всех счастливых молодоженов.

Потом она исчезла с первых полос, уступив место ему: казино, бандитские разборки, соучастники, согласившиеся на сделку со следствием и дающие показания против него, голландский прокурор, с действующим на нервы акцентом заявляющий, что подсудимый — один из крупнейших в Европе торговцев кокаином. Теперь она в этом огромном доме одна. Два его сына от первого брака навещают ее каждую пятницу. Сразу видно, что делают они это из-под палки. Сидят как истуканы в гостиной со своими толстенными золотыми цепями на шеях и раздают мне указания. «Принеси нам виски, — говорит один из них, — тот, синий». Я приношу им из подвала «Джонни Уокер блю лейбл» по 400 долларов за бутылку. По тому, как они пьют, мне очевидно, что, будь бутылка наполнена медицинским спиртом, они вылакали бы и его и не почувствовали бы никакой разницы. «Ну, как твои дела? — снова и снова спрашивают они у нее. — Может, тебе что-нибудь нужно?» Как будто есть что-то, что они

способны ей предложить. Потом они прощаются, а она встает, берет бокал белого вина и уходит к себе наверх. Я смотрю, как она поднимается по лестнице. Ее щиколотку обхватывает тонкий серебряный браслет. По-моему, они вышли из моды еще в середине восьмидесятых, но у таких женщин, как она, — своя мода.

Дверь бесшумно закрывается, но мое воображение проскальзывает за ней. Вежливая улыбка — обман, на который не купится и младенец. У каждой женщины есть желания, тем более у такой женщины. Может быть, в первые недели она и пыталась с ними бороться, но они все еще есть. После того как его арестовали, она прошла все пять стадий горя: отрицание, гнев, торг, депрессия, принятие. В первый раз это произошло почти неосознанно, в полусне. Тело переворачивается на спину, рука тянется туда сама, но глаз она не открывает, и ей даже кажется, что мягкие глубокие стоны, которые она слышит, не имеют к ней никакого отношения. Потом состоялся разговор с подругой. Женщины обсуждают эти темы. Из той троицы, которую я знаю, я поставил бы на Рели — коротышку ростом едва метр шестьдесят, с маленькой бриллиантовой сережкой, поблескивающей на животе под коротким топиком. «Я не могу одна», — сконфуженно говорит она, надеясь, что ей не придется пускаться в объяснения. Но Рели в объяснениях не нуждается. В этом смысле ее шарик крутится со скоростью «Ламборгини». «Так дрочи, дурочка, — отвечает она. — Что, думаешь, ты первая?»

В Рели я вроде бы успел разобраться. Однажды она без тени смущения рассматривала меня целых три минуты, пока не решила, что я не стою ее усилий. В следующий раз я видел, как она убирает в пакет большой белый фаллоимитатор. Может, во мне говорит романтик, но что-то мне не верится, что она им пользуется.

Я выхожу на лужайку перед домом и совершаю рутинный обход. Приподнимаю крышки мусорных баков, поддеваю ногой шланги, открываю коробку с предохранителями телефонной компании «Безека», чтобы удостовериться, что подслушивающее устройство, которое впаяли туда умники из окружного управления полиции Ха-Шарона, исправно. Из окон на меня льется мягкий свет, который, проходя сквозь ее сиреневые шторы, становится фиолетовым. Я продолжаю мучить себя, пытаюсь представить себе, как именно она это делает. Лежа на животе, с волосами, разметавшимися по подушке? Или в более изящной позе, на спине, одна рука между ног, а вторая, засунутая под футболку, оставляет на белой груди красные следы ногтей? Интересно, у нее мелькала мысль, что я могу войти и застать ее за этим занятием? Уверен, что да. Будь она даже кем-то вроде Жанны д'Арк или матери Терезы, от этого никуда не денешься. Здесь повсюду ощущалось мое постоянное присутствие, слышался звук моих шагов, чувствовался запах кофе и моего одеколона, а спускаясь вниз, она неизменно обнаруживала меня за чтением газеты.

— Доброе утро, Софи.

— Доброе утро, Джош.

Иногда и обращение по имени звучит до крайности официально, но это не мешает ей знать, что я здесь, рядом. Это один из древнейших инстинктов. Она лежит на спине, решаю я, обязательно на спине, и, сама того не сознавая, ждет, когда я приду на ее запах.

Остается, конечно, то незначительное обстоятельство, что, если я ошибаюсь, мое тело расчленият на дюжину неравных частей и разбросают по разным уголкам страны, но с каждым днем этот риск кажется мне все более оправданным. Однажды ночью она спускается вниз и застает меня за просмотром фильма «Троя» по DVD. Не говоря ни слова, она садится и двадцать минут вместе со мной любуется Брэдом Питтом, а потом возвращается к себе. Я выключаю проигрыватель и продолжаю сидеть, уставившись в голубой экран. Простите мне этот приступ лирики, но во все века мужчины шли на войну за то, что находится у женщины между ног, и умирали с широкой улыбкой на устах — это заложено у нас в ДНК. Я стою под ее окном, стараясь хоть что-то расслышать. Это исключено. Окна двойные, бронированные, в тяжелых стальных рамах.

В определенный момент у меня наступает просветление, и на три недели я исчезаю. Руководжу процессами дистанционно, принимаю скучные отчеты от нанятых мной телохранителей. По ночам лежу в постели — левая рука на моем рычаге переключения передач — и предаюсь мечтам о ней. Однажды я замечаю в оконном стекле свое отражение.

Почему мужчины выглядят за этим занятием так нелепо? А женщины так прекрасно? Заканчивается все тем, что мне позвонил его адвокат. «Мы платим тебе не за это», — сказал он голосом человека, забывшего принять таблетку от изжоги. Я возвращаюсь, услужливый, как побитый пес. Она как раз идет с прогулки, а я держу ей дверь. «Спасибо, Джош», — говорит она, проходя мимо. Спустя пять месяцев наблюдения я не выдержу. И сделаю первый шаг.

2

Шестью месяцами ранее я сидел в своем офисе, замаскированном под неприбранную двухкомнатную квартиру по адресу Тель-Авив, Мапу, 17, и занимался одним из важных следственных мероприятий, благодаря которым мне удалось стать местной версией Шерлока Холмса, — ел бейгл с хумусом. Было два часа дня, и снаружи вместо погоды было 38 градусов жары, а влажность такая, что даже местные коты мечтали утопиться в тазике с холодной водой. В жизни каждого мужчины наступает момент, когда он понимает, что пришло время для решительных изменений: надо взять себя в руки, найти себе русскую подружку, которая не понимает ни слова на иврите, сменить работу и вымыть как минимум треть из той горы посуды, которая скопилась в раковине. Для меня этот момент пока не наступил. Но тут, естественно, зазвонил телефон. Все самые важные истории в моей жизни начинались именно так: телефон звонит, я снимаю трубку и слышу на другом конце провода испуганный, дрожащий голос

попавшего в беду человека. Моя реакция молниеносна. Я уже на улице, вооруженный ста двумя килограммами стальных мышц и острым, как бритва, умом, и спасаю несчастного из лап плохих парней.

Вот только телефон стоял на письменном столе, и до него было метра полтора. Поэтому я решил не отвечать.

Здесь я должен вернуться чуть назад, к «ста двум килограммам стальных мышц». Дело в том, что это не совсем точное описание. Честно говоря, это вообще не описание, это — фантазия. Я в последнее время немного располнел. Если быть до конца откровенным, разжирел как никогда в жизни. Давным-давно я поклялся себе, что в тот день, когда мой вес перешагнет трехзначную отметку, я отправлюсь в спортзал и не сойду с беговой дорожки, пока ноги не отвалятся. Только вот незадача: если вешишь сто два килограмма, ноги у тебя начинают отваливаться очень быстро, поэтому я вернулся домой, плюхнулся в кресло «америкэн комфорт», в щелях которого скопилось такое количество засохшей ореховой скорлупы и шелухи от семечек, что можно садиться писать диссертацию на тему изучения окаменелостей, и попробовал утопить свое горе в хумусе. Если память мне не изменяет, я предавался этому занятию пару часов — в ожидании вечера, когда можно будет уже всерьез заняться ничегонеделаньем.

Но телефон продолжал трезвонить, и мне пришлось приподнять задницу и протянуть к нему руку, так что трубку я снял в совершенно гнусном настроении.

— «Ширман и Егошуа» слушает.

Никаких «Ширмана и Егошуа» в природе не существует. Вернее, это один человек. То есть я. Все десять с лишним лет, прошедшие с тех пор, как меня выкинули из полиции, я работаю один. Но однажды мне довелось целых три недели следить за специалистом по маркетингу, который забыл рассказать жене о своем пристрастии к гей-клубам. Попутно я наслушался достаточно, чтобы понять: не стоит начинать телефонную беседу со слов: «Здравствуйте, говорит Джош Ширман, я вешу сто два килограмма, похудеть не способен, и у меня нет напарника». Поэтому я поехал в типографию на улице Шокен, и там мне напечатали красивые бланки для писем с шапкой «Ширман и Егошуа. Охрана и частные расследования». Иногда, глядя на эту надпись, я сам начинаю в нее верить.

— Говорит адвокат Бени Гендель.

— Кто?

— Адвокат Гендель. Мы уже встречались, когда вы работали в полиции. Я защищал Хаима Остфельда.

— Вы тот лысый?

Иногда я сам восхищаюсь своим остроумием. Хаим Остфельд был бухгалтером, вором из «белых воротничков», который крал у выживших в холокосте деньги, поступавшие им в качестве компенсации из Германии. Я не большой поклонник «белых воротничков», поэтому добавил в его однообразную гамму немного красного, расквасив Остфельду нос. Адвокат Гендель так орал в суде про «полицейское насилие», что я всерьез опасался за его голосовые связки. Он даже подал на меня жалобу, но шансов